

RU

Особенности реализации традиционных гендерных ролей современными мужчинами-удмуртами

Поздеев И. Л., Русских Т. Н.

Аннотация. Цель исследования - выявить особенности реализации традиционных гендерных ролей современными мужчинами-удмуртами в зависимости от их ценностных установок. Научная новизна видится в том, что на основе анализа личных историй респондентов впервые представлен взгляд мужчин-удмуртов разного возраста на изменившиеся ценности и гендерные идеалы, процесс их самореализации в значимых социальных ролях, самоанализ и рефлексия по этому поводу. В результате отмечается, что традиционные гендерные роли остаются по-прежнему актуальными для мужчин, на них ориентируются как на эталонный сценарий проявления маскулинности. В то же время разные возрастные группы выбирают свои способы их реализации и воплощения в жизнь.

EN

Specificity of Traditional Gender Role Realization by the Modern Udmurt Males

Pozdeev I. L., Russkikh T. N.

Abstract. The paper aims to reveal specificity of traditional gender role realization by the modern Udmurt males depending on their value orientations. Scientific originality of the study lies in the fact that relying on the survey results, the authors for the first time describe views of the Udmurt males of different age groups on the following issues: transformation of values and gender ideals, process of their self-realization in essential social roles, self-analysis and reflection on this subject. The conducted research allows concluding that traditional gender roles are still relevant for the males, they are considered as a model of masculinity, but the Udmurts of different age groups choose their own ways to implement them.

Введение

В процессе повседневного существования в обществе формируются поведенческие установки и отношения. Именно они являются определяющими при реализации человеком гендерных ролей, а также выступают критериями оценки успешности или неуспешности его самореализации в социуме. Подобные установки со временем превращаются в этническую психологию, формирующую общественное сознание отдельного этноса, на базе которого складываются обычаи, стереотипы и стандарты индивидуального и социального поведения человека как представителя отдельного этноса.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**: 1) выявление социальных ролей, ассоциирующихся в удмуртском обществе с выражением маскулинности; 2) изучение степени реализации традиционных гендерных ролей современными мужчинами-удмуртами в зависимости от возраста; 3) рассмотрение ценностных установок мужчин-удмуртов в контексте выбора поведенческих стратегий в процессе внутрисемейных коммуникаций.

Актуальность статьи обусловлена тем, что позволяет показать на примере конкретного этноса глубинные изменения в сфере общественной жизни и фундаментальных ментальных схем, проследить трансформацию статуса категорий «мужское» и «женское». Эмпирической основой работы стали собранные авторами с 2007 г. по 2020 г. в районах и городах Удмуртской Республики полевые этнографические материалы. В ходе научной работы были применены общенаучные и частнонаучные **методы исследования** этнологии, социологии, психологии, которые были положены в основу разработки исследовательского инструментария. При сборе источникового материала авторами использовался устный опрос, проводившийся в форме неформализованного интервью, что позволяло опрашиваемому допускать больше самостоятельности в формулировке вопросов в зависимости от индивидуальных особенностей респондента.

Практическая значимость работы видится в возможности использования результатов при подготовке обобщающих работ по этнографии и культуре народов Удмуртии, а также при разработке учебных курсов по этнической психологии и этнической педагогике удмуртов.

Теоретической базой исследования выступают работы, рассматривающие статус мужчины в удмуртском обществе и соответствующие ему модели поведения. Часто данный круг вопросов освещался сквозь призму изучения семьи и семейных отношений, общественно-правовой и хозяйственной деятельности. Анализ текстов заклинаний-*куриськонов* [5] и пожеланий новорожденному ребенку [12], показал, что в традиционном удмуртском обществе наиболее значительными мужскими социальными ролями были роль главы семьи, рачительного хозяина, плательщика податей (законопослушного гражданина), защитника Родины.

Согласно исследованиям предшественников, с младенчества до десяти лет воспитанием мальчика занималась мама. С десяти-тринадцати лет ответственность за поведение и воспитание мальчика ложилась на мужскую половину семьи: отца, дядьев, старших братьев. Мальчиков-подростков приобщали к мужским видам работы, кроме того, мужчины допускали их иногда в свои компании, но в качестве слушателей, наблюдателей [Там же, с. 32]. Такой тип воспитания способствовал успешной социализации мальчика и усвоению им гендерной роли рачительного хозяина. От умения рационально распоряжаться имуществом и грамотно вести хозяйство зависело, станет ли юноша главой семьи.

Глава семьи – *кузё* – платил все денежные повинности за семью, вёл хозяйственный учёт средств и представлял интересы семьи на сельских сходах [7; 10]. Он же являлся хранителем культа и исполнителем всех религиозных обрядов [15, с. 45]. *Кузё* также имел право распределять трудовые обязанности в семье. П. М. Богаевский отмечает, что и сам большак не отлынивал от тяжёлых полевых работ: «...если сила есть, надо ходить, а то не хорошо будет, братья в раздел пойдут» [1, с. 47].

Несмотря на большие властные полномочия, как писал Д. Островский, «вероятно вследствие врожденного добродушия удмуртов», сила и власть старшего проявлялись в более или менее мягкой форме [15, с. 26]. Кроме того, глава хозяйства и семьи подчинялся домашнему совету: он не мог ничего продать или купить, не посоветовавшись с членами своей семьи. Характеризуя мужчину-удмурта как отца и мужа, исследователи отмечают его чрезмерную привязанность к семье [1; 3; 15]. Мужчина-удмурт редко бранится со своей женой, поражает его мягкое отношение к детям [7; 10; 12].

Как видим, сложившиеся исследовательские оценки образа мужчины в традиционном удмуртском обществе носят во многом черты идеализации и, конечно, отличаются от взглядов на современных удмуртов. Изменения в семейных отношениях начала отмечать Л. С. Христоробова: «Для взаимоотношений членов современной удмуртской семьи характерно сочетание традиционных и новых черт... Главой семьи в полных семьях традиционно считается муж... однако фактически им является жена» [18, с. 85]. Авторитет родителей у детей начинает определяться их личными качествами, личным примером и жизненным опытом.

В связи с наблюдаемой трансформацией традиционных моделей поведения, сложившихся гендерных ролей есть необходимость проанализировать степень реализации мужчинами-удмуртами социальных сценариев в контексте современных этнокультурных процессов. Под социальными сценариями понимаются заданный культурой алгоритм жизни, поведенческая стратегия, некий эталон и образец, который находится в сознании человека, являющегося носителем определённой культурной традиции. Этот эталон предполагает определенный набор принятых социальных ролей и статусов, определяющих характер повседневных социальных взаимодействий [14, с. 25]. Для решения исследовательских задач было решено остановиться на социальных ролях, в которых, по мнению респондентов, наиболее полно проявляется маскулинность, – это роли защитника Родины, жениха, мужа, отца, а также работника-профессионала.

Защитник Родины

Служба в армии у удмуртов традиционно воспринималась в качестве своеобразного испытания и события в жизни, достаточно рискованного и не всегда приятного, но позволяющего стать настоящим мужчиной, получить своеобразный знак качества. Подтверждается это и рекрутскими напевами, в которых повествуется о том, что юноша рождается на свет не только для того, чтобы содержать дом и хозяйство, но и быть пригодным для рекрутской службы: «*Мать-отец нас растили матицу ковать, матицу ковать, да ружьё в руках держать*» [4, с. 281]. Не зря удмурты говорили, что «*не побывавший в армии парень, словно незамужняя девушка*» [17, с. 110]. Во многом поэтому респондентами 1940-1970-х годов рождения служба в армии воспринималась как «путёвка в жизнь»: «*Раньше ведь как было, если ты в армию не годен, значит, ты какой-то ущербный, и девушки на тебя смотреть не будут, и замуж за тебя не пойдут. А из армии парни возвращались через два года бравыми молодцами в форме, все девчонки млели*» [28]. Родители всячески поддерживали своих сыновей, подчёркивая престиж службы в армии.

Однако слом эпохи социализма, распад Советского Союза, установление капиталистических отношений, а также локальные военные конфликты поменяли отношение к армии. Во многом служба в армии стала восприниматься как удел тех, кто не смог откупиться, получить отсрочку. Служба в армии перестала быть престижной. Юношей, родившихся в конце 1990-х – начале 2000-х годов, условно можно разделить на две категории: те, кто не против отслужить в армии, отдавая долг родине, и те, кто считает, что это пустая трата

времени. С одной стороны, в этих подходах в полной мере отражается наследие девяностых годов: *«Когда мальчик появляется на свет, государство не помогает его родителям. Декретный отпуск оплачивается до полутора лет, а потом мальчика нужно в садик устроить, а там просто нет мест. Но зато когда мальчику исполнится восемнадцать, он уже, оказывается, что-то должен государству. Никому я ничего не должен, и желания служить у меня нет»* [26]. С другой стороны, политика государства (отмена части отсрочек, сокращение службы до одного года, ограничение для неслуживших при приеме на работу и т.д.) привела к тому, что молодые люди стали гораздо охотнее идти в армию. Вот какими замечания поделился работник Дебесского военкомата А. Д. Будин в 2008 г.: *«...парни, желающие вообще служить в армии, отдать долг родине, они все равно идут. Есть те парни, которым вроде не хочется служить или не определились еще, все равно приходят в военкомат, начинаешь им объяснять, что все равно надо служить. Естественно когда приходят из армии, благодарственные слова говорят, спасибо вам. Я думаю, что, отслужив в армии даже тот самый год, отношение к жизни меняется»* [11, д. 1531, л. 21-22]. Заметим, что большая часть респондентов, отслуживших в армии, не жалеют об этом: *«После службы в армии я решил подписать контракт. Просто на гражданке я бы долго искал себя, не знал, куда бы мне податься, да и зарплаты на гражданке не очень. А тут и деньги платят, и надежда есть на квартиру по льготной военной ипотеке»* [20].

Таким образом, при сохранении важности гендерной роли защитника происходит трансформация мотивации её исполнения. Для старшего поколения мужчин служба в армии была обязательна и не подвергалась сомнению, а социальная роль защитника Родины была престижной. Это своего рода инициация, доказывающая окружающим наличие физического здоровья и психологической зрелости мужчины. Часть современных юношей (преимущественно проживающих в городе), напротив, воспринимают службу в рядах Вооружённых сил как пустую трату времени. Другие рассматривают её как социальный лифт, который не только помогает приобрести свою социальную нишу, но и даёт определенные возможности материального заработка и обустройства быта.

Жених

Знакомство с девушками и приобретение статуса жениха были и остаются немаловажной частью юношеской жизни. Согласно удмуртской фольклорной традиции, юноша приобретает статус жениха в восемнадцать лет, после того как обучится грамоте, овладеет умениями боронить, сеять и косить:

«Семь годиков стукнуло мне – сказали: учиться пора...

А девять исполнилось лет – сказали: учишь боронить.

Приспело четырнадцать лет – сказали: берись за соху.

Шестнадцать исполнилось мне – заставили ниву косить.

Достиг восемнадцати лет – сказали: женись поскорей» [19, с. 74-75].

Как отмечали дореволюционные исследователи, к внешности жениха родственники невесты относились без особой придирчивости, оценивали его, прежде всего, по его семье, умению вести хозяйство, грамотности, склонности к пагубным привычкам и т.д.: *«...ещё легче получает одобрение от невестинной родни жених, на красоту которого и даже на способность к труду обращается совсем мало внимания. Обыкновенно родители невесты старались узнать о женихе: хватает ли на год семье его хлеба и крепка ли семья его... не слишком ли он сильно пьёт, а также не болен ли он дурной болезнью, и предпочитают тех женихов, которые знают грамоту»* [16, с. 47-48].

По признаниям респондентов старшего возраста, чаще всего невест искали на работе, в школе, в клубе, во время совместных посиделок. Были случаи знакомства через третьих лиц – дэмласа (букв.: по рекомендации). Первый шаг к знакомству делали юноши, но не было исключением, когда и сами девушки проявляли инициативу. Очень часто служба в армии в этом случае была тем рубежом, после которого юноша начинал задумываться о женитьбе часто и серьёзно. Кого-то из армии ждала девушка, поэтому вопрос с будущей супругой был определён, а кому-то приходилось искать свою половину: *«Мы с моей женой познакомились, когда ещё учились. Она меня в армию проводила, письма мне писала, верно ждала. Конечно же, я вернулся и женился на ней. Вот до сих пор и вместе»* [21].

В добрачном поведении служба в армии была своеобразным испытанием, от прохождения которого зачастую зависит будущее отношений между юношей и девушкой. Если всё складывалось удачно, то эти отношения получают дальнейшее развитие, но бывают случаи, когда молодые люди понимают, что любовь прошла. Респонденты конца 1990-х – начала 2000-х годов рождения с приобретением статуса жениха не спешат, отдавая приоритеты профессиональной самореализации и материальному благополучию: *«Жениться сразу после армии? Я думаю, что в этом нет смысла. Надо самому на ноги встать, найти приличную работу, заработать себе на жильё, машину. Может быть, потом я задумаюсь о женитьбе, а сейчас смысла не вижу»* [26].

Юноши, не проходившие службу в армии, считают рубежом, после которого они задумывались о семье, получении образования и наличии стабильной работы: *«Я закончил пединститут, нашёл более или менее стабильную работу, только после этого почувствовал свою готовность к серьёзным отношениям»* [23].

Как видим, сфера отношений с женщинами является немаловажной в жизни мужчин. Но если для мужчин, рожденных в 1940-1980-е годы, поведенческая стратегия была определена культурной традицией, предполагающей создание семьи чаще всего после завершения службы в армии, то современные юноши отказываются

от данного сценария как эталонного, не спешат обременять себя обязанностями и данными обещаниями, ссылаясь на эмоциональную незрелость для серьёзных отношений и отсутствие материального благополучия.

Муж

По мнению исследователей, исторически сложилось так, что семья для удмуртов – это сосредоточие всей нравственной и хозяйственной деятельности, смысл существования, опора государственности и правопорядка. Отношения в семье были доброжелательные и доверительные, муж во всем советовался с женой. Как уже говорилось выше, главой в семье был мужчина. Он представлял семью на сельском сходе, был распорядителем хозяйственных работ, имущества и семейной кассы. Домашними работами и приготовлением пищи распорядилась его жена (*кузё кышно*) [3, с. 6; 6, с. 90].

В 90-е годы XX – начале XXI в. наблюдается сочетание традиционных и новых черт в удмуртских семьях, но семья по-прежнему остаётся актуальной ценностью, где отношения между родственниками основываются на демократичных нормах общения. Главенствующая роль (особенно в сельской семье) обычно признаётся за мужчиной, а женщина, на первый взгляд, играет второстепенную роль. Это можно заметить по тональности голоса, с которой женщина отзывается о муже, отказывается принимать какое-либо решение без его ведома, не приглашает в дом посторонних мужчин в отсутствие мужа: *«Все важные решения и все вопросы мы с мужем решаем сообща, обговариваем. Даже если мой муж уехал куда-то, то мы обычно созваниваемся, чтобы посоветоваться. Одна я без него ничего не решаю»* [25].

На практике же в большинстве семей складываются паритетные отношения, когда и мужчина не принимает каких-либо действий, не посоветовавшись с женой, не распоряжается единолично семейным бюджетом и хозяйством в целом. В таких семьях нет чёткого разделения обязанностей на мужские и женские. Как отмечала Г. А. Никитина, ввиду того, что в сельской местности мужчина часто вынужден работать вахтовым методом, отсутствуя дома месяцами, «в удмуртской сельской семье деловая, хозяйственная, производственная мобильность субъектов неформальной экономики очень быстро приобрела “женское лицо”: решение материальных, хозяйственно-бытовых, финансовых, воспитательных проблем семейного коллектива легло на плечи женщин» [13, с. 268]. Как признаются респонденты, в семье им важно чувствовать себя добытчиками и гарантами материальных благ, поэтому они стремятся зарабатывать больше, чем жёны, при этом жертвуя своим семейным очагом, оставляя надолго домашнее хозяйство.

Согласно эталонному сценарию мужского поведения, необходимо привести жену в свой дом и не жить на её территории, в противном случае мужчина испытывает психологический дискомфорт и теряет свой авторитет в глазах близкого окружения: *«Мужчину, который живёт у своей жены, называют пыртос (русс. – примак). С таким мужчиной в семье не считаются, его не слушают»* [24]. А выполняющего женские обязанности по хозяйству обозначают термином *кенак* (букв.: тётушка).

По мнению молодёжи, отношения в семье должны строиться на принципах взаимного доверия, взаимопомощи, партнерства, поэтому решать общие вопросы, планировать бюджет, заботиться о детях необходимо сообща. В то же время не всегда равенство мужчины и женщины имеет положительные последствия. Не все мужчины готовы принять новые обстоятельства, новую роль, если, к примеру, жена начинает больше зарабатывать. Отсюда психологические комплексы, фрустрация, стремление уйти от действительности: *«В семье у нас 2 детей. Муж часто меняет работу, поэтому своими деньгами я обеспечиваю себя и детей. У нас есть автомобиль, квартира в ипотеке. К сожалению, муж начал пить. Я не могу расслабиться, не могу ему доверять... Может, у него характер слабый, больше хочет к себе внимания и поэтому он демонстративно, назло мне начинает пить?»* [11, д. 1531, л. 26].

Таким образом, по-прежнему мужчина играет роль добытчика и гаранта материальной стабильности семьи, но зачастую в силу определённых обстоятельств данная роль переходит к женщине. Необходимо отметить, что в таких обстоятельствах и мужчина, и женщина испытывают психологический дискомфорт, который сопровождается ухудшением микроклимата в семье. На женщину возлагается двойная нагрузка, поскольку, помимо работы вне дома и зарабатывания денег для семьи, никто не отменяет её обязанности как матери и хозяйки. Мужчина зачастую в такой ситуации тоже ощущает тревожность, сопровождающуюся понижением самооценки, а в некоторых случаях и деструктивным поведением.

Отец

Воспитанием детей как в традиционной, так и в современной удмуртской семье занимаются оба родителя: если матери больше сосредотачиваются на воспитании девочек, то на отцов возлагается ответственность за воспитание подрастающих сыновей [2, с. 20-21, 23, 43; 10, с. 98-99; 14, с. 30]. Мама воспринимается детьми как добрый советчик, близкий друг, с которым можно поделиться своими невзгодами. Отец же, напротив, редко демонстрирует свою любовь, он, скорее, непререкаемый авторитет, чьё веское слово остаётся решающим. Он защищает, требует, осуждает или одобряет. Подобное представление о социальной роли отца находит подтверждение и в удмуртских пословицах: *«Отцовские наставления долго помнятся, материнские –*

забываются», «Отцовские слова круты, да изба тепла» [8, с. 39]. Отражается и в современной удмуртской песенной культуре: «Не скажет отец о своей тоске, никто не узнает о его думах» [9, с. 51].

Как отмечают большинство респондентов старших возрастных категорий, в младенческом возрасте воспитание детей полностью ложилось на женщину, за подросших же сыновей отвечал мужчина. Бывают, конечно, между супругами и споры по поводу методов воспитания. По мнению молодежи, особенно городской, отец должен принимать участие в воспитании ребенка с рождения и помогать своей жене: «Когда моя супруга просит меня помочь с ребёнком, я не могу ей отказать, поскольку это же и мой ребёнок тоже, да и, сидя дома, в декретном, жена устаёт на работе не меньше, чем я» [27]. Сельские мужчины-удмурты признаются, что работа отнимает у них много времени, особенно в страду, а потому как бы им ни хотелось помочь супруге с ребёнком, но зачастую они не успевают это сделать: «У нас сейчас посевная началась, конечно же, я все силы отдаю работе, а потом уже с воспитанием не успеваю. Всё на жене: и хозяйство, и ребёнок» [22].

Таким образом, социальная роль отца является одной из важных ролей для всех поколений респондентов. Современные условия жизни позволяют мужчине принимать участие в воспитании ребенка с младенчества, даже оформлять декретный отпуск вместо матери. Но, как признаются респонденты, они готовы помогать своим супругам, тем более в воспитании мальчиков, но уход в отпуск по воспитанию ребёнка расценивают как умаление их мужского достоинства.

Профессионал

В основе удмуртской народной педагогики лежит трудовое воспитание [12]. Любой труд вынуждает человека думать, обучает преодолению себя. По мнению большинства информантов старших возрастов, именно труд наделяет жизнь человека смыслом. Когда человек занят физическим трудом, у него нет времени на пагубные привычки. Алкоголизм и наркомания – это порождение безделья: «Одно только плохо, сейчас людей без работы оставили, молодёжь очень сильно испортили! Они погибают из-за пьянства, потому что остались без работы. Если бы они работали, то им бы пить некогда было, они бы о другом думали» [25]. Молодое поколение, ориентируясь на новые веяния современной жизни, также ищет себя посредством индивидуальной самореализации: «Молодежь становится жестче, прагматичнее, они знают, что им нужно, они работоспособнее. Они знают, что надо, они сделают, но вот чувства коллективизма, как у нас, у них нет. Отработали, пошли домой» [11, д. 1531, л. 16]. Часть респондентов считает, что в самореализации в новых условиях им могут помочь профессиональное образование и выбор актуальной и востребованной на рынке труда профессии: «Я получил образование программиста. Я этому учился пять лет, конечно же, я должен подтвердить свой диплом, свою квалификацию. Я согласен поменять место работы, если там больше платят, но не уверен, что решусь поменять профессию» [27].

Интересно, что в ответах респондентов, особенно старшего возраста, можно проследить желание трудиться, но при этом отсутствие стремления занять руководящие должности. Неоднократно можно было от удмуртов услышать следующие фразы: «Да, среди удмуртов мало предприимчивых людей, но дайте нам хорошего руководителя – мы же горы свернем!» [11, д. 1637, л. 17]. Подтверждаются слова ученого-фольклориста Т. Г. Владыкиной, согласно которым конкуренция чужда национальному менталитету удмуртов, поскольку даже сам удмуртский термин *чошатскон*, обозначающий соперничество, соревнование, имеет в основе своей понятие *чош*, что в буквальном переводе обозначает *вместе, сообща*.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Во-первых, для мужчин-удмуртов и на современном этапе традиционные гендерные роли (защитник Родины, жених, муж, отец, работник-профессионал) остаются по-прежнему актуальными, более того, они ориентируются на них как на эталонный сценарий проявления маскулинности.

Во-вторых, выявлено, что для разных возрастных групп характерны свои способы реализации и воплощения в жизнь образцовых гендерных ролей. Респонденты 1940-1950-х годов рождения ориентируются на традиционные представления, для них маскулинность проявляется в том, что мужчина, отслуживший в армии, является главой хозяйства (кузё), гарантом материального благополучия и стабильности для своей семьи. По поводу профессиональной самореализации большинство респондентов данной возрастной когорты отметили, что должность не так важна, как возможность зарабатывать, трудиться, посредством чего заслужить авторитет в глазах односельчан. Для мужчин 1960-1980-х годов рождения служба в рядах Вооружённых сил по-прежнему воспринимается как обязательный этап мужской инициации, а семья и дети – показатель мужской состоятельности. Но при этом мужчины стараются выстроить паритетные отношения в семье, не разделяя чётко мужские и женские обязанности. Трудовая деятельность воспринимается не только как источник материального благополучия, но и необходимое условие реализации себя, карьерного роста и занятия высоких должностей. Для юношей 1990-2000-х годов рождения семья и дети, служба в армии не всегда являются безусловными признаками современного мужчины. Для них важнее всего личностный рост, профессиональные успехи, материальное обеспечение себя и своей семьи.

В-третьих, для всех поколений мужчин-удмуртов семья остается одной из главных ценностей, но коммуникационные стратегии во внутрисемейных отношениях они выбирают, уже исходя из своих поведенческих

установок. Так, мужчина старшего поколения, заводя семью, берёт на себя ответственность и заботу о жене и детях. Функции по хозяйству традиционно поделены на мужские и женские, он берёт на себя выполнение тяжёлой физической работы, делая акцент на том, что выполнение «женских» обязанностей принижает его мужское достоинство. Для последующих поколений женщина становится главным образом партнёром, который также вносит лепту в семейный бюджет, посвящая себя не только домашнему хозяйству, но и своей карьере, профессиональной самореализации. Поэтому и традиционно женские занятия по приготовлению пищи и воспитанию детей супруги делят поровну. При этом следует отметить, что иногда мы наблюдаем у респондентов внутренний диссонанс между тем, что от него требуют новые социальные и экономические обстоятельства, и той традиционной ролью, тем образом поведения, которые сложились в обществе. Это характерно как для мужчин, так и для женщин, поскольку когда женщина вынуждена играть мужскую роль (например, добытчика в семье), то это часто трагедия и для неё. Негативными последствиями такой ситуации могут стать социальная апатия, склонность к депрессии, алкоголизм и др.

Список источников

1. Богаевский П. М. Очерк быта сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. III. С. 14-64.
2. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1889. 197 с.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1886. 218 с.
4. Вершинина Е. Б. Песни южных удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2014. Вып. 3. 384 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
6. Владыкин В. Е. Удмурты: историко-этнографический очерк. Ижевск: Удмуртия, 2008. 248 с.
7. Гришкина М. В. Семья как хозяйственная единица и транслятор нравственных ценностей удмуртского крестьянства (XVII - первая половина XIX в.) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2010. Вып. 3. С. 32-41.
8. Гыдыке / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1991. 208 с.
9. Дмитриев В. Зэмос воргорон // Кенеш. 2020. 6 посьтолзъз. С. 50-51.
10. Назмутдинова И. К. Семейный этикет в системе традиционной культуры удмуртов. Ижевск: Шелест, 2017. 224 с.
11. Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. Рукописный фонд. Оп. 2-Н.
12. Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 135 с.
13. Никитина Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX-XXI веков: ресурсы и опыт адаптации. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2015. 320 с.
14. Олсон Л. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 440 с.
15. Островский Д. Вотяки Казанской губернии. Казань: Литотипография К. А. Тилли, 1873. 48 с.
16. Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 5. Следы языческой древности в суевных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы. Вятка: Губернская типография, 1890. 68 с.
17. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы и поговорки. Устинов: Удмуртия, 1987. 274 с.
18. Христоролюбова Л. С. Культура современной сельской семьи: традиции и новации // Этнография восточно-финских народов: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова (г. Ижевск, 17-18 октября 2006 г.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2007. С. 82-97.
19. Человек силен друзьями (Эшъёс-юлтошъёс) / сост. Т. Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1993. 144 с.
20. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Ерофеев Дмитрий Алексеевич, 1994 г.р., с. Вавож, Вавожский район, Удмуртия.
21. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Золотарёв Алексей Юрьевич, 1985 г.р., с. Пыбья, Балезинский район, Удмуртия.
22. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Князев Максим Александрович, 1987 г.р., с. Пыбья, Балезинский район, Удмуртия.
23. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Никитин Александр Анатольевич, 1985 г.р., д. Нурызово, Балезинский район, Удмуртия.
24. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Степанов Николай Евгеньевич, 1947 г.р., с. Дебёсы, Дебёсский район, Удмуртия.
25. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Степанова Галина Аркадьевна, 1960 г.р., с. Дебёсы, Дебёсский район, Удмуртия.
26. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Сычугов Константин Александрович, 2000 г.р., п. Балезино, Балезинский район, Удмуртия.
27. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Трефилов Артем Александрович, 1991 г.р., г. Ижевск, Удмуртия.
28. Экспедиционные материалы автора (Русских Т. Н.). Информант Тронин Владимир Ардадьонович, 1952 г.р., с. Пыбья, Балезинский район, Удмуртия.

Информация об авторах | Author information

RU

Поздеев Игорь Леонидович¹, к. ист. н.

Русских Татьяна Николаевна², к. ист. н.

^{1, 2} Удмуртский федеральный исследовательский центр

Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск

EN

Pozdeev Igor Leonidovich¹, PhD

Russkikh Tatiana Nikolaevna², PhD

^{1, 2} Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk

¹ pozdeev79@gmail.com, ² tatyana_russkih@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.10.2020; опубликовано (published): 30.12.2020.

Ключевые слова (keywords): удмурты; мужчины; женщины; гендерные роли; традиционные модели; современность; the Udmurts; men; women; gender roles; traditional models; modernity.